

**ЧЕРНАЯ КНИГА ИМЕН,
КОТОРЫМ НЕ МЕСТО
НА КАРТЕ РОССИИ**

ПОСЕВ

Коллектив авторов

**Черная книга имен, которым
не место на карте России**

«ПОСЕВ»

2005

Коллектив авторов

Черная книга имен, которым не место на карте России /
Коллектив авторов — «ПОСЕВ», 2005

ISBN 5-85824-155-7

«Черная книга» посвящена тем географическим названиям, которые сохраняют наследие коммунистической идеологии и пропаганды.

Задача книги – показать подлинную роль, которую сыграли в истории запечатленные в советских названиях лица, события и явления, реальные и мифологизированные. Очищение городов и сел от этих названий необходимо для оздоровления идейной среды, в которой живет наше общество.

Возвращение исторических названий, а также замена советских имен на названия, связанные с творцами непреходящих ценностей нашей культуры, науки и государственности, в том числе с деятелями антибольшевистского сопротивления, поможет восстановить историческую преемственность нынешней России. Книга подготовлена по инициативе общественного комитета «Преемственность и возрождение России» при поддержке Объединения русских кадет за границей и Русского исследовательского фонда.

ISBN 5-85824-155-7

© Коллектив авторов, 2005

© ПОСЕВ, 2005

Содержание

Исправление названий	6
1. Названия, связанные с октябрьским переворотом и утверждением власти большевиков	9
Антонов-Овсеенко	10
Артем	12
Атарбеков	13
Бела Кун	15
Блюхер	16
Буденный	17
Вацетис	18
Войков	19
Володарский	21
Боровский	22
Ворошилов	23
Гайдар	25
Двадцать шесть бакинских комиссаров	27
Дзержинский	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Черная книга имен которым не место на карте России

Составитель С.В. Волков

«Черная книга» посвящена тем географическим названиям, которые сохраняют наследие коммунистической идеологии и пропаганды. Задача книги – показать подлинную роль, которую сыграли в истории запечатленные в советских названиях лица, события и явления, реальные и мифологизированные. Очищение городов и сел от этих названий необходимо для оздоровления идейной среды, в которой живет наше общество. Возвращение исторических названий, а также замена советских имен на названия, связанные с творцами непреходящих ценностей нашей культуры, науки и государственности, в том числе с деятелями антибольшевизского сопротивления, поможет восстановить историческую преемственность нынешней России.

Снос памятника Дзержинскому в Москве в ночь с 21 на 22 августа 1991 г. Дело, начатое тогда народом, задержалось. Оно ждет своего завершения

В подготовке статей участвовали 17 авторов, в том числе С. С. Балмасов, С.В. Волков, Д.Е. Галковский, А.Б. Зубов, Г.В. Кокунько, Н.А. Кузнецов, Б. С. Пушкарёв, Ю.С. Цурганов, С.В. Шешунова, а также ряд членов Московского купеческого общества.

Исправление названий

Для физического здоровья важно качество окружающей нас среды: чистый воздух, чистая вода, не зараженная ядами почва. Для душевного здоровья не менее важна окружающая нас символическая среда. К ней относятся названия улиц и других географических объектов (топонимика).

Названия эти нужны прежде всего для **ориентации**, для того, чтобы человек знал, где он. Если он потерян, заблудился – это нарушает его душевное равновесие, мешает ему жить и действовать. Если названия кругом французские, он видит, что он во Франции, если русские – в России, а если советские – то он вроде в СССР, которого давно нет. Это дезориентирует.

Названия не только ориентируют в пространстве, как то: угол улицы А и улицы Б. Они напоминают о событиях и людях, с которыми названия связаны. Топонимы бывают естественными и искусственными.

Естественные имеют древнее происхождение, отражают индивидуальные черты места, его колорит. Такие названия вызывают интерес к краеведению, желание узнать, кто до нас жил в этих местах, чьи мы наследники, кто мы. Бывают естественные названия чисто географические. Тверская улица в Москве, Московский проспект в Петербурге указывают на города, к которым они ведут.

Искусственные названия порой связаны с местами деятельности исторических фигур (в направлении нынешнего Кутузовского проспекта в Москве действительно шел Кутузов, на Чкаловской в Петербурге жил Чкалов). Чаще они географически произвольны и служат сохранению памяти о людях, составляющих славу нации: писателях, ученых, композиторах, полководцах и иных выдающихся деятелях. Запечатленные в названиях имена соединяют живых со своими великими предками, предлагают равняться на них, брать с них пример.

В советское время велась широкая кампания искусственных переименований в честь предтеч и деятелей большевицкой революции и международного коммунизма. Память о прошлом России надо было стереть, страну обезличить повторением одних и тех же стандартных названий. Они менялись в зависимости от того, кто в данный момент был в фаворе у правящей партии. Гатчина одно время носила название Троцк, Пермь – Молотов, Ижевск – Устинов, Рыбинск – Андропов, Набережные

Челны – Брежнев, было много названий в честь Сталина. Этого уже нет. Но сохранилось множество названий в честь Ленина, Дзержинского и других деятелей, которых почитали в течение всего правления КПСС.

Кто же они, эти деятели? Слава российской нации или ее позор? Пусть читатель решит, прочитав эту книгу.

Более двух тысяч лет назад Конфуций объяснял одному из китайских правителей, что необходимо начинать исправление дел в государстве с исправления имен: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться и народ не знает, как себя вести».

Очищение страны от коммунистических названий началось в 1991–1994 гг., но затем почти остановилось из-за официально объявленной политики «согласия и примирения». В результате путь к храму, где находится икона царственных мучеников, ведет со станции метро имени цареубийцы Войкова, на улицу Сергея Радонежского попадаешь со станции «Площадь Ильича», храм-памятник на месте убийства царской семьи в Екатеринбурге построен на улице Карла Либкнехта, Санкт-Петербург окружает Ленинградская область, а Екатеринбург – Свердловская.

Такой абсурд порождает нигилистическое отношение к прошлому страны, лишенное нравственных оценок. А продолжающееся присутствие советских имен питает прокоммуни-

стические настроения, закрепляет их положение как некоей постоянной ценности. Оно формирует привыкание к ним у молодого поколения, которое начинает относиться к ним примирительно и или не сознает, в какой мере они противоречат его собственным убеждениям, или, наоборот, может вновь захотеть, как призывал Маяковский, «делать жизнь с товарища Дзержинского», или с Урицкого, или с Андропова.

Работа по стиранию с карты страны недостойных имен нужна и для сохранения памяти о подлинных героях России, ее строителях и защитниках, ее духовных вождях, борцах с тоталитарным режимом. Их пример, а не пример растлителей и разрушителей, должен вдохновлять будущие поколения.

В помощь тем, кто над этим работает, и написана «Черная книга». В ней дано 122 кратких очерка о лицах, понятиях и событиях, которые наиболее часто встречаются в оставшихся от советского времени наименованиях улиц, площадей, населенных пунктов. Их список составлен на основании данных по 50 крупным городам. В него не входят деятели местного значения и создатели советского режима, имена которых уже стерты с карт самими коммунистами (Троцкий, Сталин). Не входят туда и ученые, военные и иные деятели, прославленные в советское время (Вернадский, Королев), но к созданию коммунистического режима непосредственно не причастные.

Очерки в книге написаны в свободном стиле 17 разными авторами. Это не академическое исследование с подробным изложением послужных списков. Цель очерков – дать нравственную и политическую оценку деятельности описываемых фигур, определить их отношение к российскому государству. Сегодня, когда славословия «Российской державе» стали дежурными в устах представителей власти, важно показать, что описываемые персонажи либо способствовали разрушению России, либо не имели к ней никакого отношения.

Кого-то удивит, что в список лиц, чьи имена не следует сохранять в российской топонимике, вошли такие видные деятели отечественной культуры, как Герцен, Кропоткин, Плеханов или Горький и Маяковский. Но составители сборника стоят на государственной позиции. Первые трое своими революционными идеями помогали разрушать, а не строить российское государство. Последние двое в своих писаниях поощряли коммунистический террор.

Книга – не просто перечень биографий. Она стремится выявить суть большевизма как метода ведения политической борьбы, метода управления обществом и государством, прояснить суть коммунизма как политической идеологии. Мы адресуем ее не только единомышленникам, которым в общем известны приведенные здесь факты, но широким кругам граждан. А многие из них до сих пор считают, что коммунизм – это, в принципе, не так плохо, что заслуживают осуждения лишь его проявления, связанные с репрессиями, и некоторые деятели, слишком «перегнувшие палку».

Когда мы пишем, что Атарбеков рубил головы пашкой, это производит впечатление, а когда пишем, что Ногин уговорил профсоюз железнодорожников отменить забастовку против Ленина, – не производит. Поэтому важно помнить, что ответственность за последствия коммунистического эксперимента несут не только ярко выраженные преступники с садистскими наклонностями, но и те участники, которые лично никого не убивали. Это важно и потому, что в данной книге мы не можем охватить всех персонажей. За ее рамками остались «местно чтимые» деятели, но это не значит, что к ним нет претензий. И они несут ответственность за действия своих начальников.

Такой подход основан на положениях Устава Международного военного трибунала, созданного в Нюрнберге в 1946 г. для суда над военными преступниками. Соотнесение действий большевиков с выработанными впоследствии определениями ставит «героев» нашей книги в исторический контекст.

Статья 6 Устава Нюрнбергского трибунала относит к «преступлениям, влекущим за собой индивидуальную ответственность»: «убийства или истязания военнопленных [...]; убий-

ства заложников; ограбление общественной или частной собственности»; [...] «убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам» [...]. «Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана».

Против устранения советских топонимов есть два возражения:

1) **«Мы к этим названиям привыкли».** Но привычки бывают дурные и хорошие. Опыт центра Москвы, где в 1990–1994 гг. было восстановлено 150 исторических названий, свидетельствует, что к исправленным названиям быстро привыкли, и 10 лет спустя мало кто вспоминает советские.

2) **«Это часть нашей истории, мы не можем ее отменить».** Но для изложения полной картины истории есть учебники. Топонимы ее отражают выборочно. И рабство негров в Америке, и власть Гитлера в Германии – тоже часть истории, но никому в голову не приходит называть в их честь улицы или города. Вопрос в отборе достойных имен и событий, к чему и призывает книга.

Книга состоит из шести тематических разделов, по основным категориям лиц и явлений, встречающихся в современных наименованиях. Статьи внутри каждого раздела расположены в алфавитном порядке по наиболее распространенной форме имени, не обязательно по фамилии. Алфавитный указатель статей всех разделов и встречающихся в них лиц дан в конце книги.

1. Названия, связанные с октябрьским переворотом и утверждением власти большевиков

Видное место в топонимике современной России занимают имена лиц, которые непосредственно осуществили коммунистический переворот и помогли новой власти удержаться в годы гражданской войны. Набор этих имен весьма случаен. Среди них как действительно крупные большевистские деятели, так и разного рода «герои революции», часто полумифические, ставшие известными благодаря пропаганде сталинского времени, нуждавшейся в примерах для воспитания «строителей коммунизма». Обилие таких имен на карте объясняется и тем, что среди них немало лиц, умерших до конца 1920-х годов и не успевших попасть в число «врагов народа».

Антонов-Овсеенко

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (настоящая фамилия – Овсеенко, партийная кличка – Штык; 1883–1939) происходил из офицерской семьи. Закончив кадетский корпус, он поступил в Николаевское военно-инженерное училище, из которого был исключен за отказ принимать присягу. Поработав кучером, Овсеенко поступил в Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище, где присягу все-таки принял. Однако верность ей молодой офицер сохранять не стал: во время русско-японской войны дезертировал из своей части и занялся подрывной работой. Неоднократно арестовывался, но всякий раз ему удавалось выйти сухим из воды.

Например, в июне 1905 г. он был арестован в Кронштадте под чужой фамилией, в октябре выпущен по амнистии, в апреле 1906 снова арестован в Москве, но бежал из полицейского участка. В июне арестован в Севастополе, при аресте оказал вооруженное сопротивление. Через год бежал вместе с двадцатью другими заключенными, после взрыва тюремной стены. Вел революционную пропаганду среди матросов царской яхты «Штандарт», организовал в Москве антиправительственный «Клуб разумных развлечений». Арестован на съезде фабричных врачей, но выпущен через три дня и т. д. Как один из организаторов военных мятежей в Польше и Севастополе он был приговорен к смертной казни, замененной двадцатью годами каторги, но бежал и жил с 1910 г. в эмиграции. В 1917 г. по амнистии Временного правительства вернулся в Россию, где быстро выдвинулся в первые ряды большевиков.

Наиболее ярко таланты Владимира Александровича проявились в октябрьские дни 1917 г. Он сыграл важную роль в большевицком перевороте, организовав захват Зимнего дворца. Именно он арестовал членов Временного правительства. Самого Антонова-Овсеенко 28 октября арестовали юнкера. Десятки юнкеров к тому времени были растерзаны на улицах его подручными. Однако он не только не был расстрелян, но на следующий день освобожден при посредничестве американского журналиста А. Вильямса.

Антонов-Овсеенко вошел в первое коммунистическое правительство – Совет народных комиссаров. С декабря 1917 г. он занимал крупные командные посты в Красной армии (командующий Особой группой войск Курского направления, командующий Советской армией Украины ит.д.). В сентябре 1918 – мае 1919 гг. был членом Реввоенсовета РСФСР. Его подчиненные широко применяли расстрелы заложников и массовые репрессии против «классовых врагов». В апреле 1919 г. Овсеенко назначили председателем Тамбовского губисполкома. Его бесчеловечная политика при проведении продразверстки довела крестьян губернии до отчаяния, и в августе 1920 г. они восстали. В 1921 г. Овсеенко стал председателем Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с восстаниями. Вместе с Тухачевским он разработал меры по истреблению непокорных крестьян: семьи восставших (вплоть до грудных детей) брались в заложники и отправлялись в концлагеря; за укрытие повстанцев или их близких расстреливался старший в укрывшей семье; согласно особому приказу расстреливался всякий, кто отказался назвать свое имя. Число жертв красных карателей в Тамбовской губернии огромно даже на фоне уже привычных для советской власти репрессий.

В дальнейшем Антонов-Овсеенко был переведен на дипломатическую работу: в 1920-е годы служил советским полпредом в Чехословакии, Литве, Польше. С 1934 г. он прокурор РСФСР. В этой должности Овсеенко способствовал установлению практики вынесения приговоров «по пролетарской необходимости». Во время гражданской войны в Испании (1936–1937) занимал пост генерального консула в Барселоне: через этот город проходило большинство военных грузов из СССР для испанских коммунистических формирований. Оттуда Овсеенко был отозван в Москву, арестован и расстрелян по обвинению в троцкизме. В 1956 г. он был реабилитирован.

Имя Антонова-Овсеенко носят улицы многих городов. В Москве такая улица имеется в Пресненской управе, в Петербурге – в Невском районе.

Артем

Настоящее имя – Федор Андреевич Сергеев (1883–1921), но никто из соратников его так не называл. Звали просто: «товарищ Артем». Даже в официальном списке состава ЦК РКП(б) на 1920 год, где все перечислены по фамилии с инициалами, он фигурирует как «т. Артем».

В 1901 г. Артем поступил в Московское высшее техническое училище, но уже с 1902 г. был «в рядах искровцев-большевиков» и стал профессиональным революционером. В декабре 1905 г. руководил вооруженным бунтом в Харькове, был арестован, бежал, но в Перми снова попал в тюрьму, из которой писал: «Камера большая, светлая. Пища неплохая, прогулка в день чуть не два часа, еженедельно баня, а что главное – я могу иметь здесь столько книг, сколько хочу».

Вскоре тов. Артем оказывается в Париже, где работает директором ресторана и учится в «Русской высшей вольной школе». Туда набирали по всей России полуинтеллигентов, давая им зубрить несложную грамоту «долой» и «да здравствует», а заодно и собственные вымышленные биографии («легенды»). В 1910 г. Артем становится портовым грузчиком в Австралии, где издает газету «Австралийское эхо» и постоянно судится с местными властями. После начала мировой войны пытается сорвать мобилизацию войск и выступает за заключение австрало-германского сепаратного мира.

После Февральской революции Артем вернулся в Россию и стал во главе большевистского комитета Харьковского совета. Еще до октября он возглавлял вооруженные отряды большевиков, а в 1918 г. стал главой так называемой Криворожско-Донецкой республики. Затем занял, среди прочих, должность всеукраинского народного комиссара агитации и пропаганды. Погиб товарищ Артем в авиационной катастрофе в Подмосковье, при испытании некоего «аэрогона».

Партийная кличка этого деятеля часто встречается в топонимике. В Приморском крае есть город Артем и поселок Артемовский. Города, носящие имя Артемовск, есть в Красноярском крае (бывший поселок Ольховский), в Донецкой (бывший город Бахмут) и в Луганской областях. В городах Луганск и Шахты именем Артема названы городские районы. В Свердловской и Иркутской областях есть поселки, носящие название Артемовский.

Атарбеков

Георгий Александрович Атарбеков (настоящая фамилия Атарбемян; 1892–1925) начал революционную деятельность в 1905 г. Во время русско-японской войны; он, как и другие революционеры, был сторонником поражения России. Активный участник беспорядков 1905–1907 гг. на Северном Кавказе и в Закавказье, где помогал грузинским «лесным братьям» и «красным стрелкам». С 1908 г. – член РСДРП(б). В 1911 г. исключен из Московского университета, где учился на юридическом факультете.

В начале I мировой войны его арестовывают в Тифлисе за пораженческую агитацию и пропаганду восстания горцев против России. Он бежит из-под ареста и скрывается в Эчмиадзине; продолжая призывать солдат и железнодорожных рабочих помочь поражению России, натравливал люмпен-пролетариат на имущие классы. В 1917–1918 гг. – член Сухумского подпольного комитета партии большевиков и Военно-революционного комитета. В начале 1918 г. Атарбеков организовал отряд Красной гвардии, с помощью которого большевики захватили власть в Сухуме и его окрестностях. После подавления этого восстания войсками Грузии подготовил и осуществил новое. В апреле-мае 1918 г. он был заместителем председателя Военно-революционного комитета Абхазии. После разгрома большевиков в Абхазии уехал в Майкоп, к Орджоникидзе (см. ниже).

В том же году Атарбеков стал заместителем председателя, а затем и председателем «Северо-Кавказской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией». Неудачно оборонял Майкоп от белогвардейцев, после чего обвинил в этой неудаче население Армавира, Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков, якобы устроивших контрреволюционный заговор. Непролетарское население названных городов было обречено на кровавую расправу. Атарбеков создал в этих городах чрезвычайные комиссии, которые еще до официального объявления красного террора без суда убили тысячи заложников – священников, офицеров и др. интеллигентов, (в том числе – известного болгарского добровольца русской армии генерала Радко-Дмитриева). Вот описание одного из свидетелей: «Палачи были неумелые и не могли убивать с одного взмаха. Каждого заложника ударяли раз по пять, а то и больше. Некоторые стонали, но большинство умирало молча... Вокруг могил стояли лужи крови. Кое-где лежали осколки человеческих костей. Ближайшие к месту казни кресты и надгробные памятники были обагрены кровью и обрызганы мозгом». Атарбеков не только руководил этими расправами, но и сам участвовал в них и любил хвастаться перед соратниками, как своей рукой зарубил того или иного генерала.

Далее он был назначен начальником Особого отдела 11-й армии, затем Особого отдела Каспийско-Кавказского фронта. В этой должности Атарбеков проявил жестокость уже к самим красноармейцам. Если они проигрывали сражения или отказывались воевать за большевиков, к ним применялись децимации (расстрел определенного процента солдат). В феврале 1919 г. по инициативе Кирова Атарбеков возглавил ЧК в Астрахани, где «оказал неоценимую услугу революции подавлением мартовского восстания». Это подавление сопровождалось применением артиллерии против рабочих кварталов Астрахани и массовым террором. В мае-июне 1919 г. Атарбеков провел новую карательную операцию против жителей города. Он обвинил астраханских рыбаков в шпионаже и объявил их виновниками разгрома большевицкой Волжско-Каспийской флотилии под фортом Александровск. Атарбекова за его жестокость возненавидели красноармейцы и матросы и хотели ему отомстить. Они организовали на чекиста три покушения. Руководство ЧК в Москве тоже считало, что Атарбеков превысил свои полномочия, и отозвало его для разбирательства, но Дзержинский его оправдал.

Осенью 1919 г. палач Астрахани стал во главе подразделения Особого отдела ВЧК уже в Москве. Вместе с Тер-Петросяном (Камо) он руководил чекистскими операциями в тылу

корпуса генерала К.К. Мамантова, разъезжал в поезде, созданном специально «для борьбы с диверсантами и шпионами в тылу Красной армии». Затем Атарбеков возглавлял Особый отдел и Ревтрибунал на Южном фронте, Особые отделы 9-й армии и Кавказского фронта. В должности уполномоченного ВЧК по Кубано-Черно-морской области и в Баку руководил массовыми расстрелами русских солдат и офицеров армии генерала Д.П. Драценко (май-сентябрь 1920 г., концлагерь на острове Норген под Баку).

С 1921 г. Атарбеков – полномочный представитель ВЧК в Армении и Азербайджане, председатель Ревкома Армении, где также руководил массовыми репрессиями. Затем – нарком почт и телеграфа Закавказья, член Президиума Закавказской партийной контрольной комиссии. Погиб в авиакатастрофе.

Даже на общем фоне палачей коммунистической эпохи имя Атарбекова одно из самых одиозных. Между тем оно сохраняется в городской символике России. Так, в Москве в Преображенской управе есть улица Атарбекова.

Бела Кун

Бела Кун (1886–1939) – венгерский коммунистический лидер. Родился в Трансильвании, в семье сельского писаря-еврея. В гимназии увлекся революционными идеями. С 1902 г. – член социал-демократической партии Венгрии. Поступил на юридический факультет Коложварского университета. За организацию беспорядков, которые привели к человеческим жертвам, был приговорен судом к тюремному заключению. После освобождения руководил крайне левым крылом социал-демократов горнодобывающего района Венгрии – Жильвельда.

В I мировую войну воевал против России в рядах австро-венгерской армии. В 1916 г. попал в плен и был отправлен в Томск, где вел революционную пропаганду. В том же году вступил в РСДРП(б). После Февральской революции работал в томском губернском комитете, в большевицкой печати. После Октябрьского переворота сформировал группу командиров из австро-венгерских пленных. Это была самая крупная из групп «интернационалистов-мадьяр», воевавших в Красной армии. Направлен большевиками в Петроград, где редактировал коммунистическую газету на венгерском языке, писал брошюры, призывающие венгров идти в Красную армию, организовал венгерскую партийную школу.

Бела Кун помогал большевикам удержать власть в Москве во время восстания левых эсеров в июле 1918 г.: отбил у восставших телеграф и захватил в плен нескольких членов их штаба. Потом работал в бюро ЦК партии большевиков на Украине. Осенью 1918 г. его откомандировали на Уральский фронт, а в конце того же года – в Венгрию, где он организовал коммунистическую партию. В марте 1919 г. эта партия захватила власть и объявила страну Венгерской советской республикой. Под руководством Куна было создано правительство, в котором он стал народным комиссаром по иностранным и военным делам. Фактически Кун руководил всей политикой нового государства, стал организатором захлестнувшего страну красного террора, который привел в ужас Европу. Террору положили конец армии Франции и Румынии, освободившие Венгрию от большевиков в августе 1919 г. Куну пришлось вернуться в советскую Россию.

В октябре 1920 г. он был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта. После ухода войск Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма Бела Кун вместе с секретарем Крымского обкома Розалией Землячкой организовал на полуострове невиданный террор. Под их руководством без счета расстреливались солдаты и офицеры Русской армии, которые остались на родине, поверив в объявленную большевиками амнистию; беженцы из советской России, которые не захотели или не смогли эвакуироваться с белыми; местные представители деловой, интеллектуальной, культурной элиты; представители бывших привилегированных классов, включая стариков, женщин и детей. За 1921–1922 гг. в Крыму было уничтожено, по разным источникам, от 50 до 75 тысяч человек или более. Так венгерский коммунист выполнил приказ Кремля: «Вымести Крым железной метлой».

С 1921 г. Бела Кун работал в Исполкоме и Президиуме Коминтерна, был инициатором ряда попыток «экспорта революции». Одной из таких попыток (Германия, 1921) он руководил лично. В мае 1921 – апреле 1923 гг. занимал высокие посты на Урале, затем участвовал в создании Российского коммунистического союза молодежи (Комсомола). В 1936–1938 гг. входил в состав коммунистического руководства Испании, участвовал в создании там аппарата коммунистических спецслужб, повинных в гибели тысяч испанцев. Бела Кун был репрессирован в 1939 г., после смерти Сталина реабилитирован.

Имя международного палача Белы Куна красуется на мемориальных досках. Площадь его имени есть в Москве, в Гольяново, улица Белы Куна – в Петербурге.

Блюхер

Василий Константинович Блюхер (1890–1938) происходил из крестьян Ярославской губернии. Необычная для русского крестьянина фамилия досталась ему от клички деда или прадеда. В 1904 г. Блюхер устроился работать на столичный завод, откуда был уволен за революционную деятельность. В 1905–1907 гг. участвовал в баррикадных боях. В 1910–1913 гг. отбывал тюремное заключение за призыв к забастовке. Участвовал в I мировой войне рядовым, затем младшим унтер-офицером, был награжден за храбрость. После ранения уволен из армии, работал слесарем в Сормово и Казани. Вступил в партию большевиков и вел среди рабочих пораженческую агитацию.

В ноябре 1917 г. Блюхер вошел в Самарский военно-революционный комитет, помогал устанавливать советскую власть в Самарской губернии (создавал с этой целью вооруженные отряды). Вскоре был направлен комиссаром красногвардейского отряда в Челябинск, где его избрали председателем ревкома, а в марте 1918 г. председателем совета. Подавлял восстания оренбургских казаков (конец 1917 – начало 1918 гг.), участвовал в геноциде казачества. За операции созданной им Южно-Уральской партизанской армии против казаков (июль–сентябрь 1918 г.) он первым из большевиков получил орден Красного знамени. Из партизанского отряда Блюхер сформировал 30-ю стрелковую дивизию, которая вошла в 3-ю армию. При дивизии он создал карательные интернациональные части, в т. ч. батальон из немцев и венгров. В случаях военных неудач или проявлений недовольства в своих войсках применял процентные расстрелы бойцов.

В 1919–1920 гг. Блюхер занимал высокие посты в Красной армии, воевал в Сибири против верховного правителя России адмирала А.В. Колчака и на Южном фронте против генерала П.Н. Врангеля. Участвовал в боях под Каховкой и штурме Перекопа. В 1921–1922 гг. руководил военным ведомством, был главнокомандующим и членом Военного совета Народно-революционной армии Дальневосточной народной республики. Проводил репрессии против амурского и уссурийского казачества. Возглавлял советские войска в боях под Волочаевкой и Спасском, обеспечивших красным власть над Приморьем.

Осенью 1924 г. был направлен в Китай, где действовал под псевдонимом «генерал Галин». До 1927 г. был главным военным советником при китайском революционном правительстве Чан Кайши. В 1929 г. командовал особой Дальневосточной армией, которая вторглась на территорию Китая, фактически совершив акт международной агрессии, который Блюхер назвал «упреждающим ударом». Во время этой операции подчиненные ему войска учинили страшный погром в Трехречье – на китайской территории, где проживали, занимаясь сельским трудом, бежавшие от большевиков дальневосточные казаки. Под руководством Блюхера этих русских поселенцев поголовно истребили.

В 1937 г. Блюхер был причастен к расправе над группой Тухачевского, но в 1938 г. расстрелян сам, реабилитирован при Хрущеве. В Петербурге есть проспект Маршала Блюхера.

Буденный

Семен Михайлович Буденный (1883–1973) родился на Дону, происходил из «иногогородних». Вахмистр Буденный, полный георгиевский кавалер, храбрый, но недалекий рубака, в 1917 г. примкнул к красным. Он не был лишен честолюбия, думал о карьере: «Я решил, что лучше быть маршалом в Красной армии, чем офицером в белой». В 1919 г.

Буденный вступил в партию большевиков. В годы гражданской войны командовал 1-й конной армией – ударной силой большевиков. Один из буденновцев, И. Бабель, описал нравы своих однополчан в книге «Конармия» (1925). В ней разбой, грабеж, насилие над мирными жителями предстают как привычная повседневность. В боях Буденный ценил прежде всего личную преданность себе. Отношения в армии строились по образцу разбойничьей банды, в которой будущий маршал был атаманом. Своей жестокостью войска Буденного удивили даже Сталина, а Ленин не раз был крайне обеспокоен повальным пьянством и разложением в «легендарной» 1-й конной.

Гражданским мужеством Буденный не отличался. В бою с корпусом генерала А. А. Павлова он, вопреки приказу, не прикрыл с флангов дивизии Гая и Азина, и они погибли, не дождавшись помощи. А обвинение пало на Думенко, которого арестовали и отдали под трибунал. В командарме 2-й конной армии – Филиппе Миронове он видел конкурента и сделал все, чтобы убрать его. Позже Буденный проголосовал за вынесение смертного приговора своему бывшему командиру Егорову. Когда в 1937 г. была арестована вторая жена Буденного (которую он привел в дом на второй день после гибели первой жены), Семен Михайлович не стал помогать даже ей. В 1939 г. ее приговорили к 8 годам лагерей. К тому времени она уже стала душевнобольной от пыток.

В 1923 г. Буденному довелось стать «крестным отцом» Чеченской автономной области: надев шапку бухарского эмира, с красной лентой через плечо он приехал в Урус-Мартан и по декрету ВЦИКа объявил Чечню автономной областью.

В 1930–1940 гг. Буденный стал одним из организаторов массовых репрессий среди военных. В 1937 г. именно он обвинил Тухачевского и других военачальников в государственной измене, предварительно согласовав свое выступление со Сталиным. Как и Ворошилов, Буденный активно поддерживал Сталина во всех его злодеяниях. Буденный и Ворошилов сблизились неслучайно. Их объединяло то, что оба они были малограмотны и не могли простить военспецам их превосходства в уме и образовании.

К 1941 г. в действующей армии было множество командиров – выдвиженцев Ворошилова и Буденного, их приятелей по 1-й конной, и это сказалось на ходе военных действий. Героем II мировой войны Буденный не стал; назначенный было командовать войсками Юго-Западного направления, он скандально провалился, загубив десятки тысяч жизней, и был быстро отставлен. Других за подобное расстреливали, но «живую легенду» спасли «революционные заслуги». После войны его как большого любителя лошадей назначили заместителем министра сельского хозяйства.

В Ставропольском крае старинный город Святой Крест носит имя этого красного командира. В Ростовской области его именем названа станица на Маныче. В городе Донецке один из районов – Буденновский, а в Москве, на Соколиной Горе проходит проспект Маршала Буденного. Проспекты и улицы, названные его именем, есть и во многих других городах.

Вацетис

В известный период в Советском Союзе появилась формулировка: «Имярек не понял революции». И наоборот, в среде дореволюционной интеллигенции выискивались люди, которые революцию «поняли» и сознательно пошли на сотрудничество с властью. К их числу относится полковник Генерального штаба Иоаким Иоахимович Вацетис (1873–1938). Он родился в Латвии в семье батрака, что не помешало ему войти в элиту армии. В советское время утверждалось, что из-за своего скромного происхождения он по окончании академии не сразу был зачислен по Генеральному штабу. Но причина была иной: он по успехам окончил ее последним в выпуске.

В октябре 1917 г. Вацетис перешел на сторону большевиков и вскоре стал у них начальником оперативного отдела Революционного полевого штаба, а с весны 1918 г. возглавил только что созданную Латышскую стрелковую дивизию. Это соединение отличалось безусловной преданностью большевикам. Дивизия Вацетиса специализировалась на карательных акциях, ее направляли туда, где власть коммунистов оказывалась под угрозой. Например, она подавляла восстание левых эсеров в Москве в 1918 г. Летом 1918 г. Вацетис стал командующим Восточным фронтом, который был создан из отдельных отрядов самим Вацетисом и другими членами Реввоенсовета. С сентября 1918 г. в течение 10 месяцев он командовал всеми вооруженными силами РСФСР: формировал армии, создавал штабы и заботился о неусыпном контроле комиссаров над красноармейцами.

Свою карьеру он закончил в 1937 г. командармом 2 ранга, когда был арестован. То есть в известный момент Вацетис уродился большевицкому режиму и из наемника или даже заложника стал своим. Что же побудило его стать «советским»? Любопытно посмотреть, как он сам себя «позиционировал». Свою автобиографию Вацетис начинает с того, что он никакой не Вацетис. Эту фамилию его деду дал местный помещик ради насмешки. По-латышски «вацетис» означает немец, и чтобы семейство «невацетисов» унижить, немецкий феодал в начале XIX века перекрестил их в «вацетисов». Не вынеся издевательства, дедушка сошел с ума: «Он при жизни сделал себе гроб, в котором часто отдыхал».

Сам Вацетис политикой не занимался и до 1917 г. ничем не отличался от сослуживцев. Только был у него в роду дедушка с гробом. И когда произошел культурный надлом, первобытное вышло наружу.

И после ареста Вацетис выражал преданность Сталину, очевидно, чтобы облегчить свою участь. В своих показаниях Вацетис назвал более 20 человек участниками «фашистской шпионско-террористической латышской организации»; все они были арестованы. Это не спасло Вацетиса. В 1938 г. он был расстрелян, после смерти Сталина реабилитирован.

Войков

Петр Лазаревич Войков (партийные клички – Петрусь, Интеллигент, Белокурый; 1888–1927) родился в Керчи. В гимназии увлекся политикой, входил в социал-демократические кружки, распространял нелегальную литературу. Был исключен из гимназии за антиправительственное выступление на митинге. В 1903 г. Войков вступил в РСДРП, примкнув поначалу к меньшевикам. Родителям, не раз просившим сына не позорить их, пришлось сменить место жительства и работу. После того как в годы русско-японской войны он активно продолжил антигосударственную деятельность, терпение родителей иссякло, и Войков был выгнан из дома. Несколько месяцев он жил, перебиваясь случайными заработками, а летом 1906 г. вступил в боевую дружину РСДРП, участвовал в перевозке бомб и покушении на генерала Думбадзе. Едва избежав ареста, Войков скрылся за границу. С марта 1908 г. до февральских событий 1917 г. он жил в Швейцарии, где сблизился с Лениным и другими большевиками. В мае 1917 г. он вместе с видными деятелями большевистской партии в «запломбированном вагоне» выехал через Германию в Петроград.

Во Временном правительстве Войков стал комиссаром министерства труда и отвечал за разрешение конфликтов между рабочими и предпринимателями. В то время рабочие под влиянием революционной пропаганды стали захватывать предприятия. Не считаясь с действующими законами,

Войков неизменно выступал против предпринимателей. После июльских беспорядков 1917 г. он был направлен своим министерством в Екатеринбург. В августе 1917 г. он окончательно перешел на большевистские позиции и быстро сделал партийную карьеру. Призывал местных рабочих «отринуть иллюзии о возможности перемирия с буржуазией» и захватывать предприятия. Оставаясь официальным представителем Временного правительства на Урале, он убеждал рабочих в том, что пославшее его правительство «антинародно». Осенью 1917 г. работал секретарем в областном бюро профсоюзов, затем – в городской думе Екатеринбурга, где большевистское большинство выбрало его председателем.

После октябрьского переворота Войков вошел в местный военно-революционный комитет, который обратился ко всем советам Урала с призывом «брать власть на местах в свои руки, сменять представителей старой администрации и всякое сопротивление подавлять оружием». В должности областного комиссара продовольствия Войков установил такие цены на продукты питания и топливо, что частная торговля на Урале стала невозможной. Это, в свою очередь, привело к товарному дефициту и серьезному понижению уровня жизни. В ходе проводимой Войковым национализации уральской промышленности прежние владельцы предприятий были репрессированы. Жесткие меры применялись и к крестьянам, которые отказывались выполнять непосильные поставки. Даже советские историки признавали, что с приходом Войкова перестали работать многие заводы, отапливаться школы и больницы, исчез с прилавков хлеб. В знак протеста против действий Войкова учителя Екатеринбурга устроили забастовку.

В 1918 г. Войков сыграл одну из ключевых ролей в расправе над Императорской семьей. Он входил в комиссию, созданную для перемещения Царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, лично подыскал дом, где она содержалась под стражей. Именно по приказу Войкова свобода семьи была резко ограничена: сокращено время прогулок, изъяты газеты. Войков был одним из самых влиятельных лиц в Уралсовете, одоббившим решение Ленина и Свердлова о бессудном убийстве, и потому разделяет ответственность за это преступление.

С 1920 г. Войков был переведен на дипломатическую работу: стал членом коллегии Народного комиссариата внешней торговли, возглавил таможенное управление. На этой работе он принял живейшее участие в расхищении большевиками культурного достояния России.

Под его руководством огромное количество предметов культуры было за бесценок продано за границу ради получения валюты для «экспорта революции».

В 1921 г. Войков возглавил советскую делегацию, которая должна была согласовать с Польшей выполнение Рижского договора 1920 г. Стремясь установить дипломатические отношения любой ценой, он передавал полякам русские архивы, библиотеки, предметы искусства и материальные ценности. Организуя грабеж страны, Петр Лазаревич старался самому себе ни в чем не отказывать.

В октябре 1924 г. Войков полномочным представителем СССР выехал в Польшу. В 1927 г. Борис Ковер да застрелил его в Варшаве как одного из цареубийц. Имя Войкова носит в Москве улица (Головинская управа), шесть проездов, станция метро и даже административный район. В Донецкой области Украины именем Войкова назван поселок. Улица Войкова есть и в Петродворце.

Володарский

Володарский (настоящие имя и фамилия – Моисей Маркович Гольдштейн; 1891–1918) родился на Украине, в семье бедного ремесленника. Свои политические пристрастия обнаружил рано. Поступив в 5-й класс гимназии в Дубно, уже через год был исключен оттуда за политическую неблагонадежность. Революционную деятельность начал в 1905 г. в «Малом Бунде», а продолжил в организации украинских социал-демократов. Во время событий 1905–1907 гг. составлял и печатал нелегальные воззвания, организовывал митинги. В 1908 г. попал в тюрьму, но быстро освобожден. С 1908 по 1911 г. работал революционным агитатором в Волынской и Подольской губерниях. В 1911 г. был арестован и сослан в Архангельскую губернию, но в 1913 г. по амнистии вернулся на Украину.

В том же году эмигрировал в США, где вступил в Американскую социалистическую партию и в Интернациональный профсоюз портных (он был закройщиком на швейной фабрике в Филадельфии). Затем переехал в Нью-Йорк, где продолжал вести социалистическую пропаганду. Вместе с Троцким и Бухариным издавал во время I мировой войны газету «Новый мир».

После февральских событий 1917 г. вернулся в Россию, примкнул к большевикам и быстро выдвинулся в число руководителей. Начал работу районным агитатором, затем стал главным пропагандистом в Петроградском партийном комитете. Вошел в президиум Петроградского совета и Петроградской городской думы. Однако думскими делами Моисей Маркович себя не утруждал, целиком отдавшись борьбе против Временного правительства. Участвовал в подготовке и проведении октябрьского переворота, агитацией способствовал формированию отрядов Красной гвардии. После переворота избран в Президиум ВЦИК.

Володарский стал комиссаром Союза северных коммун по делам печати, пропаганды и агитации, а также одним из главных устроителей большевистских митингов в Петрограде, на которых призывал беспощадно бороться против врагов революции путем террора. В начале 1918 г. командирован ЦК на съезд армий Румынского фронта для агитации среди военных. Создатель и редактор одного из главных партийных органов печати – «Красной газеты». Благодаря доступности для понимания малообразованных людей она вербовала сторонников большевиков успешнее, чем «Правда». В должности главного советского цензора Володарский был инициатором разгрома не только тех печатных изданий, которые критиковали большевиков, но и тех, которые пытались стоять в стороне. По словам Луначарского, «он был... беспощаден... В нем было что-то от Марата... Он был весь пронизан не только грозой Октября, но и пришедшими уже после его смерти грозами взрывов красного террора. Этого скрывать мы не будем. Володарский был террорист. Он был до глубины души убежден, что если мы промедлим со стальными ударами на голову контрреволюционной гидры, она не только пожрет нас, но вместе с нами и проснувшиеся в Октябре мировые надежды».

Моисей Маркович, несомненно, имел огромные заслуги в деле пропаганды богоборческих идей, насилия и ненависти. Однако его публичные выступления удавались не всегда. На Обуховском заводе рабочие были настроены антибольшевицки и освистали его.

В июне 1918 г. по дороге на очередной митинг Володарский был убит эсером Сергеевым за дискредитацию социалистических идей. Похоронен на Марсовом поле. Его убийство стало предлогом для репрессий по всей России. Ненависть к Володарскому была в Петрограде так сильна, что первый памятник ему, установленный у Зимнего дворца, в 1919 г. был взорван.

Однако имя его все еще носит город в Нижегородской области, поселки в Астраханской, Луганской и Киевской областях (Володарка), в Житомирской (Володарск-Волынский) и Донецкой областях. В Брянске есть Володарский район. В Колпино и Сестрорецке под Петербургом есть улицы Володарского.

Боровский

Вацлав Вацлавович Боровский (партийные клички – Юрий Адамович, Орловский, Фавк, Шварц, Шахов; 1871–1923) родился в Москве, в польской дворянской семье, участвовавшей в Польском восстании 1863–1864 гг. Образование получил в средней школе при лютеранской церкви. Во время учебы заинтересовался историей польской борьбы за независимость от России, так что как польский националист он сформировался уже в детстве. В школе писал антиправительственные стихи, выступал с речами на нелегальных собраниях учащихся. В 1890 г. поступил в университет на физико-математический факультет, через год перешел в Московское техническое училище. Организовал польский подпольный студенческий кружок и стал активным участником общестуденческого движения, пытаясь его радикализировать. Создавал «всеобщие революционные кружки» из представителей различных национальностей, доставал для них нелегальную литературу.

Познакомившись с революционно настроенными рабочими в 1895 г., Боровский создал первые рабочие кружки, через которые распространял революционную литературу. В 1897 г. был арестован и выслан в Вятскую губернию. Во время ссылки углубился в изучение марксизма. В 1902 г. уехал за границу; в Женеве присоединился к большевикам и стал сотрудником их газеты «Искра». Боровский также редактировал большевистские журналы «Вперед» и «Пролетарий». В 1903 г. тайно прибыл в Одессу для подпольной работы. Был связным между большевиками и польскими левыми. В 1914 г., вернувшись из ссылки в Петроград, агитировал за поражение России в I мировой войне. В 1915 г. переехал в Стокгольм. После февральских событий 1917 г. вошел в Заграничное бюро ЦК партии большевиков, а после октябрьского переворота назначен ими полпредом в странах Скандинавии. В 1918 г. – председатель делегации советского правительства по переговорам с Финляндией.

В 1919 г. Боровский вернулся в Россию, где стал одним из главных инициаторов гонений на Православную Церковь. В его замысел входило искусственное разжигание внутрицерковных конфликтов, которые могли стать предлогом для ограбления Церкви и насильственного утверждения богоборческой идеологии. В речи «Послание патриарха Тихона к архипастырям и пастырям Церкви Российской» Боровский объявил Церковь «одним из инструментов страдания народа». Он разделяет ответственность за массовые репрессии против духовенства.

Боровский был также участником I конгресса Коминтерна – подрывной организации, виновной в многочисленных убийствах и государственных переворотах. В 1920 г. Боровский был поставлен заведовать Госиздатом, а в следующем году был направлен полпредом в Рим. В 1923 г. он без приглашения приехал на конференцию в Лозанне, где был убит русским офицером-эмигрантом М. Конради. Писатель Иван Шмелев, живший тогда в Париже, и другие деятели эмиграции, сознавая «громадное общечеловеческое и политическое значение процесса об убийстве советского представителя Воровского», передали адвокату Т. Оберу материалы о масштабах террора большевиков. Историк С.И. Мельгунов подготовил к процессу книгу «Красный террор в России». Суд нейтральной Швейцарии оправдал Конради.

Боровский был с помпой погребен на Красной площади, и до сих пор в Владимирской и Московской областях есть поселки имени этого большевика и польского националиста. Площадь в центре Москвы на месте снесенного храма на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки носит имя Воровского и на ней стоит памятник ему. В Москве же, в Косино-Ухтомском есть проезд Воровского, а по большим и малым городам России улиц и площадей в его честь названо великое множество.

Ворошилов

Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) родился в Екатеринославской губернии. В молодости работал на шахте, где и вступил в большевицкую партию. В 1905 году Ворошилов возглавил в Луганске не только городской большевицкий комитет, но и совет рабочих депутатов. Он лично руководил организацией беспорядков в этом важном промышленном регионе. Однажды жандармы задержали его, но разъяренная толпа, угрожая погромами, отбила своего главаря.

После этого Ворошилов покидает родные края и перебирается в Санкт-Петербург, где знакомится с Ульяновым, Джугашвили, Калинин и другими большевиками. Одно время ездит по Скандинавии – участвует в Стокгольмском съезде РСДРП, нелегально переправляет оружие в Донбасс. Затем на съезде в Лондоне Ворошилов расширяет круг своих знакомств среди будущих вершителей судеб России.

По возвращении в Россию его арестовывают и отправляют в ссылку в Архангельскую губернию, откуда Ворошилов благополучно бежит в Баку, где занимается «экспроприациями» вместе со Сталиным. В результате Ворошилову пришлось сменить много тюрем и дальних поселений, но потом он попал под амнистию в честь 300-летия Дома Романовых. Уехал в Царицын и устроился там на оборонный завод. Вскоре началась мировая война. Многие большевики не уклонялись от мобилизации, собираясь разлагать армию изнутри. Ворошилов же решил с семьей податься в бег. Через некоторое время он всплыл в предместьях Петрограда на маленьком частном заводике и установил связь с местными нелегалами.

В февральские дни 1917 г. Ворошилов в гуще солдат запасных полков и дезертиров, заполонивших столицу. Они с радостью избирают «откосившего» депутатом Петроградского совета. Но партия решает иначе: человек, который не служил в армии, не может быть депутатом от солдат, шахтеру место в Луганске. И правда, там его встретили с радостью.

После октябрьского переворота Ворошилов снова в Петрограде – как делегат Учредительного собрания. Но работает в ЧК, ЦК, Совнарком, «ликвидирует» градоначальство столицы. Тем временем на Украине немецкие войска продвигаются на восток, угрожая Донбассу. Ворошилова отправляют сколачивать отряды Красной гвардии, а из них 5-ю украинскую армию, которая отступает в Россию, громя по дороге казачьи станицы. Прибыв в Царицын, остатки ворошиловского воинства слились с себе подобными. Там уже «фуражирствовал» Сталин, отбирая последнюю еду у крестьян юга. Сколотив новую армию, напоминавшую вооруженную толпу, Ворошилов вместе с Щаденко, Думенко и Буденным вели полупартизанскую борьбу с войсками Белой армии, бесславно уложив в русскую землю 60 тысяч своих соратников.

Ворошилов успел побывать за гражданскую войну и комиссаром НКВД Украины, и лидером «военной оппозиции», и членом Реввоенсовета республики. Отличился и в кронштадских расправах 1921 г. В 1924 г. он оказался в числе инициаторов постройки мавзолея Ленина. «Мавзолей должен быть импозантным зрелищем, центром притяжения всех глаз», – постановила «тройка» с участием Ворошилова. Затем мутная волна вынесла «нестроевого» Ворошилова в командующие округами, и даже в заместители военного наркома, а потом и в наркомы. Ворошилов легко отправлял подчиненных на смерть, санкционируя их аресты. Особый военный талант Ворошилова раскрылся во время финской кампании. Полумиллионная армия под его командованием завязла на финских оборонительных линиях. Сталин был вынужден снять шахтера с военной должности, но, сохраняя лицо символу строя, назначил зампредом совнаркома.

Несмотря на бравурные марши – «С нами Сталин родной / и надежной рукой / нас к победам ведет Ворошилов», его возвращение на военную должность и руководство Северо-

Западным направлением в 1941 г. закончилось катастрофически – блокадой Ленинграда. Но опять Сталин его пощадил. Ворошилову поручали то формировать резервы, то возглавлять партизан, то комитет по трофеям, то вести переговоры с союзниками.

Дав ему принять вместе с собой парад победы, Сталин после войны вовсе отодвинул Ворошилова от обороны и бросил на культуру. Немало наломали они дров вместе с таким же «другом культуры» Ждановым. В 1945–1947 гг. Ворошилов был председателем Союзной контрольной комиссии в Венгрии и способствовал установлению там коммунистического режима.

После смерти Сталина Ворошилов был избран «почетным президентом» – председателем Президиума Верховного Совета СССР. Но и на этой безобидной должности Ворошилову не повезло. «Ворошиловская» амнистия в марте 1953 г. коснулась прежде всего уголовников, и по стране прокатилась волна преступности. Как активный участник репрессий 1930-х годов, Ворошилов пытался помешать Хрущеву осудить действия Сталина на XX съезде КПСС. С падением Хрущева Брежнев вернул Ворошилова в политику в качестве «живой легенды», а потом с почестями похоронил у Кремлевской стены. Улица Ворошилова есть в Петербурге, Луганск в течение многих лет назывался Ворошиловградом.

Гайдар

Аркадий Петрович Гайдар (настоящая фамилия – Голиков; 1904–1941) был сыном учителя из крестьян и дворянки. Его родители участвовали в революционных беспорядках 1905 г. и, опасаясь ареста, уехали в провинциальный Арзамас. Там будущий детский писатель учился в реальном училище и впервые опубликовал свои стихи в местной газете «Молот».

В 1919 г. он вступил в Красную армию и в РКП(б), стал помощником командира отряда красных партизан, действовавших в районе Арзамаса. Скрыв свой возраст, учился на командных курсах в Москве и Киеве, затем командовал ротой красных курсантов. Воевал на Польском и Кавказском фронте. В 1921 г. как командир запасного Воронежского полка отправлял маршевые роты на подавление Кронштадтского восстания. Летом того же года, командуя 58-м отдельным полком, участвовал в подавлении

Тамбовского крестьянского восстания. Столь высокое для семнадцатилетнего возраста назначение сам Голиков объяснял тем, что «много из высшего комсостава арестовано за связь с бандами», т. е. с повстанцами.

После уничтожения непокорных крестьян Гайдар продолжил службу в карательных частях особого назначения (ЧОН) – сначала в Тамьян-Катайском районе в Башкирии, затем в Хакасии. Здесь в зоне его ответственности оказался 2-й «боерайон», включающий в себя шесть нынешних районов на юге Красноярского края. Ему было приказано уничтожить отряд «императора тайги» И.Н. Соловьева, состоявший из местных крестьян и колчаковских офицеров. Не сумев справиться с этой задачей, Гайдар обрушился на местное население, не поддерживавшее большевиков. Людей без суда и следствия расстреливали, рубили шашками, бросали в колодцы, не щадя ни стариков, ни детей. Основным объектом кровавой охоты молодого комиссара становились хакасы. В одном из хакасских сел, по рассказам местных жителей, он лично убил выстрелами в затылок более ста человек, выстроенных у края обрыва. В другом селе, взяв заложников, посадил их в баню, угрожая, что расстреляет всех, если они утром не скажут, «где скрываются бандиты». И сам наутро исполнил эту угрозу: снова выстрелами в затылок. Для выслеживания неуловимого Соловьева Гайдар вербовал агентов из местного населения, расплачиваясь за информацию дефицитной мануфактурой. Местные советские руководители постоянно жаловались на Гайдара. Например, в письме волостного исполкома, посланном с нарочным из села Курбатова в Ачинск, говорится: «Прибывший отряд сразу пустил в ход плети, которые, по нашим мыслям, должны существовать в области преданий... а не проявляться теперь при Советской власти».

Конец бесчинствам Гайдара пришел лишь после того, как он, несмотря на приказ начальства доставить пленных в штаб для допроса, лично расстрелял их, не желая выделять людей для конвоя. Командующий ЧОНОм губернии В. Какоулин был вынужден признать: «Голиков по идеологии неуравновешенный мальчишка, совершивший, пользуясь служебным положением, целый ряд преступлений». Гайдар был вызван в Красноярск для объяснения; его исключили из партии, сняли с должности и направили на психиатрическое освидетельствование. Консилиум нашел «истощение нервной системы в тяжелой форме на почве переутомления и бывшей контузии, с функциональным расстройством и аритмией сердечной деятельности» (из письма Гайдара сестре Наташе 17 января 1923 г.). Пройдя курсы лечения в Красноярске, Томске и Москве, Гайдар отправляется сначала в полугодовой, а затем – в бессрочный отпуск «с сохранением содержания».

В 1925 г. он написал свою первую повесть «В дни поражений и побед». Редактор посоветовал молодому автору начать мирную жизнь, и он уехал работать корреспондентом сначала в Донбасс, а потом на Урал. Гайдар работал в местных газетах; в Перми он женился на семнадцатилетней комсомолке Лие Лазаревне Соломянской, усыновив ее сына Тимура. После пуб-

ликации рассказа «Р.В.С.» к Гайдару пришло признание, и семья переехала в Москву. Но в 1931 г. жена вместе с сыном ушла от него. Причиной ухода был алкоголизм писателя.

Гайдар тосковал, не мог работать и уехал в Хабаровск корреспондентом газеты «Тихоокеанская звезда». Знавший его в это время Борис Закс писал: «Мне пришлось за мою долгую жизнь иметь дело со многими алкоголиками – запойными, хроническими и прочими. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки» И еще: «Гайдар резался. Лезвием безопасной бритвы. У него отнимали одно лезвие, но стоило отвернуться, и он уже резался другим. Попросился в уборную, заперся, не отвечает. Взломали дверь, а он опять режется. Увезли в бессознательном состоянии... При этом не похоже было, что он стремился покончить с собой; он не пытался нанести себе смертельную рану».

Душевный недуг (маниакально-депрессивный психоз на фоне хронического алкоголизма) не помешал Гайдару создать произведения, поставившие его в первый ряд советских детских писателей. Но громкий успех не избавлял его от груза совершенных когда-то преступлений. «Снятся мне убитые мною в юности на войне люди», – писал он в дневнике. Постоянные запои мешали нормальной работе.

С началом новой войны Гайдар попросился на фронт. Когда в октябре 1941 г. партизаны отряда, в котором он был военным корреспондентом, напоролись на немцев, Гайдар вскочил во весь рост и крикнул своим товарищам: «Вперед! За мной!» Это была смерть, похожая на самоубийство. Другие партизаны спаслись.

Имя Гайдара очень часто носят детские учреждения: школы, библиотеки, детские дома.

Двадцать шесть бакинских комиссаров

Официальная советская историография воспевала «подвиг двадцати шести бакинских комиссаров», якобы расстрелянных. Имелись в виду 26 деятелей созданной в 1918 г. Бакинской коммуны: чрезвычайный комиссар Кавказа, председатель Бакинского совета народных комиссаров Степан Шаумян; бакинский губернский комиссар Мешади Азизбеков; председатель Бакинского совета рабочих, крестьянских, солдатских и матросских депутатов Прокофий Джапаридзе; председатель Совета народного хозяйства Иван Фиолетов; народный комиссар земледелия Мир-Гасан Везиров; комиссар по военно-морским делам Бакинского совнаркома Григорий Корганов; народный комиссар труда Яков Зевин; председатель центральной военной власти в Баку, командир красного отряда Григорий Петров; комиссар по военно-морским делам из центра Владимир Полухин; редактор газеты «Бакинский рабочий» Арсен Амირян; редактор газеты «Известия Бакинского совета» Сурен Овсепян; заместитель председателя Военно-революционного комитета Кавказской армии Иван Малыгин; комендант города Баку Багдасар Авакян; член Военно-революционного комитета Кавказской армии Меер Басин; член Военно-революционного комитета Марк Коганов; военный работник Федор Солнцев; заместитель народного комиссара продовольствия Арам Костандян; член Военно-революционного комитета Соломон Богданов; служащий Анатолий Богданов; журналист Арменак Борян; матрос Эйжен Берг; бригадный комиссар Иван Габышев; командир кавалерийского отряда Татевос Амиров; личные охранники Шаумяна и Джапаридзе, коммунисты Ираклий Метакса и Иван Николайшвили; делопроизводитель Военно-революционного комитета, беспартийный Исай Мишне. Как видно, перед нами совершенно разные люди: и крупные большевики, и мелкие советские служащие. Далеко не все они были комиссарами. Правда, 20.9.1918 все они действительно погибли, но не от руки англичан и не так, как представлено на картине советского художника И.И. Бродского, изобразившего их расстрел. В чем же состоял их подвиг?

С марта 1918 г. в Баку и его окрестностях правил Совет, куда входили члены различных левых партий. Его исполнительным органом был Бакинский совнарком, состоявший из большевиков и левых эсеров. 28 мая 1918 г. была провозглашена Азербайджанская демократическая республика. На территории Азербайджана началась гражданская война, причем противники определялись в ней не по политическому (все они были социалисты, хотя и разных толков), а по национальному признаку: по одну сторону баррикад были в основном азербайджанцы, по другую – в основном русские и армяне. Большинство населения Баку было русско-армянским. Навстречу наступавшим на город азербайджанским войскам (численностью около 14 тысяч) Бакинский совнарком выставил Кавказскую армию во главе с большевиком-армянином Г. Коргановым. В распоряжении этого бакинского комиссара было 13 тысяч человек, 80 орудий, 3 бронепоезда, 160 пулеметов, 13 самолетов и 7 броневики. Но противостоять азербайджанцам он даже с такими силами не сумел, и в июле 1918 г. Совнарком пригласил для обороны Баку от азербайджанцев британские войска, располагавшиеся в Персии (Иране). Те согласились, поскольку Азербайджанская республика была союзником, а точнее вассалом, Турецкой империи, воевавшей на стороне Германии против Британии. Когда азербайджанские войска подошли к Баку, Совнарком сдал власть в городе Центрокаспию (Центральному комитету Каспийской флотилии) и Временному исполнительному комитету советов.

Бывшее руководство Баку намеревалось бежать в Астрахань, находившуюся тогда под контролем красных. Однако новое правительство Баку арестовало около 30 человек (в основном – перечисленных выше комиссаров) и предъявило им обвинение «в попытке бегства без сдачи отчета о расходовании народных денег, в вывозе военного имущества и в измене». Завершив следствие, ЧК предала арестованных военно-полевому суду. Однако накануне входа в

Баку азербайджанских войск подсудимых комиссаров отпустили, и те успели на последний отходивший пароход «Туркмен». Но из-за недостатка топлива пароход причалил не в Астрахани, а в Красноводске. Там бакинские комиссары были арестованы местными властями (стачечным комитетом рабочих-социалистов). Им предъявили обвинение в сдаче Баку азербайджанцам. По этому обвинению перечисленные 26 человек и были казнены – местный туркмен отрубил им головы. Английские войска не имели к этому никакого отношения – их в Красноводске в то время просто не было. Подлинную картину казни установила комиссия ВЦИК РСФСР под руководством В.А. Чайкина, опубликовавшего свой отчет в Москве в 1922 г.

Впрочем, один из бакинских комиссаров был отпущен. Генерал-майору А.Е. Мартынову, который в 1918 г. был начальником штаба главнокомандующего Прикаспийским краем (он участвовал в следствии и подписал приказ о казни «комиссаров»), пришлось освободить Анастаса Микояна, будущего сталинского наркома, именем которого называется мясокомбинат в Москве. Он помог белой контрразведке выявить своих товарищей среди 600 беженцев. «Самая сволочь из этих комиссаров был, но я ему слово офицера дал, что если поможет – сохраню ему жизнь», – вспоминал Мартынов в эмиграции.

Так что ничего героического в истории 26 бакинских комиссаров нет. Даже Сталин призывал лишь чтить их память и не утверждал, что они совершили какой-либо подвиг. Тем не менее улицы «26 бакинских комиссаров» есть в Москве, в Тропарево, и в других городах.

Дзержинский

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) родился в семье небогатого польского помещика. Россию и русских он ненавидел с детства и вспоминал в 1922 г.: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». Хотя воспользоваться шапкой-невидимкой ему не пришлось, в деле реализации своей заветной мечты он куда как преуспел. Начав борьбу против исторической России методами индивидуального террора, он продолжил ее после большевицкого переворота, стоя во главе могущественной террористической организации – ВЧК-ГПУ.

В молодости Дзержинский собирался стать священником и вступить в орден иезуитов, но вместо этого в 1895 г. вошел в Литовскую социал-демократическую организацию, а в 1900-м – в Социал-демократию Королевства Польши и Литвы. В 1896 г. бросил гимназию и стал профессиональным революционером. Активно участвовал в событиях 1905–1907 гг. и за уголовно наказуемые действия не раз был арестован и сослан, дважды бежал, несколько раз освобождался по амнистии; в общей сложности провел на каторге и в ссылке 11 лет.

Февральская революция освободила Дзержинского из Бутырской тюрьмы в Москве. Он сразу вступил в партию большевиков (причем партийный стаж ему засчитали с 1895 г.) и выдвинулся в ее первый ряд. Осенью 1917 г. вошел в Военно-революционный партийный центр по руководству вооруженным восстанием. Во время октябрьского переворота руководил связью Смольного с красными отрядами. Стал членом Президиума ВЦИК, а в декабре 1917 г., по предложению Ленина, был назначен председателем Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК).

Именно эта должность заслуженно принесла Дзержинскому славу одной из самых одиозных фигур большевизма и советского режима. Он бессменно оставался во главе органов государственной безопасности (ВЧК, с 1922 – ГПУ, ОГПУ) до самой смерти. Дзержинский – один из главных организаторов красного террора – официальной политики Советского государства. Он создал небывалую систему подавления политических противников и устрашения населения, включавшую пытки, массовые захваты и казни заложников. По самым скромным подсчетам, под непосредственным руководством Дзержинского в 1918–1922 гг. было уничтожено примерно 1,7–2 млн человек. При этом ЧК не скрывала, что ее задача – не борьба с конкретными «преступниками», а ликвидация «враждебных классов», то есть истребление наиболее культурных слоев населения. Инструкциями предписывалось не столько рассматривать действия арестованного, сколько выяснять, «к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия... эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».

По воспоминаниям английского дипломата Б. Локкарта, глубоко посаженные глаза Дзержинского «горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными». Демагогическая фраза «чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» впоследствии широко использовалась советской пропагандой для романтизации образа «стража революции».

Во время гражданской войны председатель ВЧК неоднократно направлялся на различные фронты, где кровавыми методами восстанавливал дисциплину. С 1921 г. Дзержинский – председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, которая занималась ликвидацией детской беспризорности. В этом назначении был особый цинизм, так как именно ЧК своими бесконечными убийствами порождала толпы беспризорников. В 1921 г., оставаясь на посту председателя ВЧК, Дзержинский был одновременно назначен наркомом путей сообщения, а с 1924 г. – председателем ВСНХ СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.